

СОГЛАСОВАНИЕ КАК МОРФОСИНТАКСИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА (В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ)

К. Г. Красухин

Институт языкознания РАН

CONGRUENCE AS A MORPHOSYNTACTIC PROBLEM (IN SYNCHRONY AND DIACHRONY)

K. G. Krasukhin

Institute of Linguistics RAN

Аннотация: в статье рассматривается синтаксическое согласование, т. е. уподобление одной синтаксической единицы другой. Уподобление заключается в том, что один из членов предложения приобретает грамматические характеристики, не связанные непосредственно с его значением, и не меняющие его. Согласование проявляется иногда путем дубликации грамматических показателей в обоих согласованных членах предложения или же путем присоединения к зависимому члену новых формантов. Иногда оно выражается в том, что согласованные члены предложения получают различные морфемы, объединенные общим грамматическим значением. Благодаря согласованию в языках образуются новые грамматические категории. Согласование привело к появлению именных классов в языках типа банту; показатели существительных дублируются в прилагательных и глаголах. В кавказских языках благодаря согласованию развилась система субъектных и объектных аффиксов при глаголах. В финно-угорских языках так называемое объектное спряжение включает в себя показатели субъекта-агенса. В субъектном спряжении окончание 3-го л. ед. ч. имеет 0, в объектном – выраженное окончание. Такая же оппозиция свойственна многим языкам мира. Как известно, К. Уоткинс считал, что форма 3-го л. глагола является основой парадигмы: окончание остальных лиц присоединяется именно к ней (польск. *miał* 'он мял' → *miałem, miales*). Но 0 окончание глагол имеет, когда обозначает состояние; глагол же активного действия приобретает выраженное окончание. Оно часто происходит из указательного местоимения, характеризующего 3-е л. ед. ч.

Ключевые слова: согласование, словоизменение, синтаксис, морфология.

Abstract: the syntactic congruence is considered, i.e., the likening of one syntactic unit to another one. This likening means that a member of sentence receives some grammatical characteristics, what are not connected with its own meaning and don't change it. The congruence is realized sometimes with the duplication of the same morpheme in both congruent members of a phrase, or with addition of some new morphs to the dependent member. Some morphemes have several origin, but identic grammatical meaning. Congruence leads to the formation of new inflectional forms: nominal classes in Bantu; markers of these classes in substantives are repeated in adjectives and verbs. The system of subject and object markers is developed in verbal paradigm in many Caucasian languages. In Finno-Ugric languages so-called object conjugation has markers of a subject-agents. The form of 3 Sg. in "subject" conjugation has zero ending, in object one an expressed flexion. Such opposition is characteristic for many languages in the World. Calvrt Watkins meant that the form of 3 Sg. is a ground of verbal paradigm: flexions of another person are joining to this form (Poln *miał* 'kneaded' → *miałem, miales*). But zero grade is more characteristic for verbs of state. Verbs of action receive expressed ending, what are often originated from demonstrative pronoun of 3 Sg.

Key words: congruence, inflection, syntax, morphology.

Введение

Как полагал выдающийся китаист и типолог В. М. Солнцев [1], все языки мира можно разделить на формоизолирующие и формосвязывающие. В первых синтаксическая связь членов предложения не выражается с помощью формы слова, во вторых существуют специальные способы для ее выражения – изменение формы слова. Эти способы (так называемые грамматические способы) и составляют морфологию. Они разнообразны: служебные слова, служебные морфемы (аффиксы, располагающиеся перед или после полнозначной морфемы или внедренные в нее), изменение фонемного состава слова (морфонология, аблаут, внутренняя флексия). В языках же формоизолирующих роль грамматических способов играет порядок слов, фразовое ударение, интонация (см. еще [2], где эти черты поименованы «скрытой грамматикой»). В формосвязывающих языках существуют также нулевые морфемы. Их наличие делает содержащее их предложение типологически близким к синтагмам изолирующих языков. А. А. Реформатский [3, с. 104] приводил в качестве примера: *А кенгуру – прыг в Лимпопо!* О. С. Широков [4], полагая, что реалии этого высказывания слишком экзотичны для русской речи (не говоря уж о том, что ареал обитания кенгуру очень далек от Лимпопо), предлагал иной вариант: *А Шапиро – бух на канане!* В высказываниях, содержащих формы с нулевой морфемой, порядок слов приобретает грамматическое значение: *мать любит дочь* vs. *дочь любит мать*. И чем менее развита морфология в языке, тем большую роль играет порядок слов. Ср.: *die Mutter liebt die Tochter* vs. *die Tochter liebt die Mutter*; *the mother loves (her) daughter* vs. *the daughter loves (her) mother*; *la mère aime la (sa) fille* vs. *La fille aime la (sa) mère* и т. д. Поучительно сравнить это с китайским *rén dā hǔ* ‘человек убивает тигра’ vs. *hǔ dā rén* ‘тигр убивает человека’. При всех типологических отличиях китайского языка от европейских мы видим общий грамматический способ – нулевую флексию, обслуживающую и субъект, и объект. Понятно, что определение с определяемым в китайском связано только порядком слов: *bái zhǐ* ‘белая бумага’, *hóhǒng qǐānbǐ* ‘красный карандаш’, *zhōngwén bào* ‘китайская газета’. Конечно, и таким определениям можно найти типологические параллели в русском языке: *зелень-трава*, *бой-баба*, *душа-человек*. Но в формосвязывающих языках это не единственный и не самый распространенный грамматический способ.

Согласование в сравнительно-историческом и типологическом аспекте

Синтаксическое согласование является яркой чертой формосвязывающих языков. А. М. Пешковский [5, с. 61] именовал его подчинением: глагол

подчинен именительному падежу имени, стоящего в предикате, прилагательное подчинено существительному. То есть речь идет о связи двух неравноправных синтаксических элементов: главного и зависимого. Как отмечал А. А. Шахматов, «Согласование двух или нескольких сочетавшихся слов является средством (морфологическим. – К. К.) выразить цельность сложного представления: *растущая на дворе зеленая трава* соответствует одному сложному представлению; мы выразили его расчленение несколькими словами, но его единство, его цельность обнаруживается между прочим в той грамматической связи, в которой находятся слова *трава, зеленая, растущая*... приведенное сочетание может быть названо благодаря этому грамматическим единством (разрядка автора)» [6, с. 31]. Иными словами, согласование есть один из грамматических способов связывания синтагм в языках с развитой морфологией. Оно заключается в том, что в словосочетании имеются совместно встречающиеся морфемы, связывающие члены синтагмы. Совместность их проявляется в двух факторах. Во-первых, морфема одного члена синтагмы требует при себе согласовательной морфемы и у другого члена. Во-вторых, обе морфемы могут быть идентичны: *Погода хороша*. Второе условие, однако, часто нарушается: *Жизнь сложна*. В полных же прилагательных идентичность морфем разрушена благодаря внедрению постпозитивного *-jo-, внедрившего в их парадигму склонения местоименные флексии: др.-русск. *добръ мжжь – добра мжжа; добръи мжжь – доброго мжжа*. Поучительно рассмотреть формирование склонений прилагательных. В церковнославянском языке в полных прилагательных сохранялись остатки флексии, и морфемный шов между флексией имени и местоимением был вполне ощутим: *добра-іего, добра-аго, добраго*. Русское же окончание *-ого*, появляющееся уже в Изборнике Святослава 1073 г., является не развитием церковнославянского *-аго*, но аналогией с местоименной флексией типа *того* [7, с. 228–229]. Таким образом, принцип единства морфемы здесь нарушен¹. Таким образом, первый критерий, безусловно, более важен. Второй, однако, тоже играет существенную роль, особенно в языках так называемого классного типа (о них далее). Пока же введем термины для различных обнаруженных типов согласования: *формальное* и *фактическое*, при котором согласуются грамматиче-

¹ Попутно отметим, что развитие местоименного корня *io- в падежное окончание – яркий пример грамматикализации, причем последовательное сравнение церковнославянских и русских форм показывает здесь все этапы этого процесса: *добраіего* – сохраняется формальная граница слов, *добрааго* – граница стирается, *добраго* – словоформа становится единой по всем показателям, *добророго* – исчезает всякий след словосложения.

ские значения, но не формы. Единство грамматического значения (содержательное) присутствует всегда: оно является определяющим для данной категории, без него нет и согласования².

Вслед за А. А. Шахматовым мы делим словосочетания на предикативные, объектные, атрибутивные и релятивные. Согласование характерно только для атрибутивных и в меньшей степени предикативных конструкций, совершенно невозможно в объектных и релятивных. В предикативных сочетаниях согласование играет меньшую роль, чем в атрибутивных. А. А. Шахматов выделяет следующие типы предикативного согласования. Именное сказуемое согласуется с подлежащим в числе и падеже. Согласование в роде, наоборот, часто нарушается, если предикат – существительное: *А невесте скажи, что она подлец* (Гоголь Н. В. *Женитьба*, II, 6) [6, с. 248]. Отметим случаи нарушения согласования, когда имя I склонения относится к мужскому роду: *Господа, поглядите, наша городская голова идет... Ну, беда: заговорит он нас теперь!* (Чехов А. П. *Мороз*, 1887); *Сами водочку кушаете, а свою верную слугу забываете* (Куприн А. И. *На покое*, 1902). Это явление можно назвать заменой содержательного согласования формальным. В первой цитате изменение рода местоимения намеренно-шутливо, во второй – скорее выражает отношение говорящего к собеседнику: преданность до потери индивидуальности.

Попутно заметим, что иногда в предикативной позиции рассогласуется и прилагательное, если оно означает свойство не только данного предмета, но и целого класса: Грех – сладко, а человек – падко. Аналогичный пример находим у Гомера: *ὄχι ἀγαθὸν πολυκιοραλίη* (II, II 98) ‘нехорошо многовластие’. Ср. латинскую пословицу *mors omnium rerum extremum* ‘смерть – предел всех дел’. И здесь рассогласование показывает обобщающий характер предиката; в латинской сентенции, возможно, он представляет собой субстантивированное прилагательное. Другие черты предиката тоже оказывают влияние на нали-

чие/отсутствие согласования. Если именной предикат в древнерусском языке обозначал временное свойство, он мог стоять в творительном падеже: *а блѣвлю игумена хто буде игуменомъ оу стго нико-лы* (Двинская духовная грамота, XV в.) [7, с. 336–337]. Глагол согласуется с именем или местоимением в лице и числе; однако требования вежливости накладывают на это правило некоторые ограничения. По-разному согласуется сказуемое с подлежащим, обозначающим массу. Все это говорит о том, что для предикативной синтагмы согласование не является основополагающей чертой.

Особый вопрос – согласование в аналитических глагольных конструкциях. Поскольку они состоят из отглагольных имен и вспомогательных глаголов, в них может появляться то, что можно назвать двойным согласованием: прилагательное/причастие/герундив согласуется с субъектом в роде, вспомогательный глагол – в числе: лат. *Siculi ad fidem team, quam habent spectatam iam et diu cognitam, confugiunt* (Cic. Div. in Caecil. 4, 11) ‘Сицилийцы прибегают к моему поручительству, которое видят и давно знают’; *не добро ли съма съль еси на селъ твоємъ* (Зогр. Мф. 13:) ‘не доброе ли семя ты сеял в своем селе?’ vs. *друзии во ихъ из далече сътъ пришли* (Мар. Мф. 8:). В среднегреческом варианте древнегреческого языка также появились аналитические формы типа *ἔχω γραφθέναι/γραφθεῖσαν/γραφθέν; ἔχω γεγραμμένον* ‘я написал’ (дословно ‘я имею написанное’). Однако в историческом развитии языка это двойное согласование, как правило, пропадает. Связано это с грамматикализацией, одной из черт которой является ослабление морфологической изменчивости слов, превращающихся в служебные. По понятным причинам согласование гораздо активнее в языках синтетического строя, где глагольные аналитические конструкции в общем подчиняются основным правилам языкового строя. В славянских языках отпал вспомогательный глагол; новое прошедшее время сохранило согласование в роде, но утратило личное. Таким образом, в глагольную систему вторглась изначально не свойственная ей категория. В европейских же языках, где вспомогательный глагол сохранился, причастия потеряли все грамматические показатели: *habeo scriptum* → франц. *j’ai écrit*; н.-греч. *ἔχω γραφθεῖ/γραμμένο*. Судя по всему, для индоевропейских языков не свойственно согласование одновременно по родам и числам.

Этим они отличаются от семитских, где различаются мужской и женский роды глагола во 2-м и 3-м лицах. Так, в арабском языке женский род выражается суффиксом *-at^m*, менее распространенные варианты *-ā²ⁿ*, *-ā*. Первый суффикс образует прилагательные ж. р. Глагол же спрягается так (*ktb* ‘писать’):

² Терминология синтаксической связи выработана именно А. А. Шахматовым и А. М. Пешковским. В содержательной и компактной работе [8] вопрос о классификации типов связи даже не ставится, хотя способов их описано довольно много. В американской лингвистике это понятие тоже не очень глубоко разработано. По определению Э. Хэмпла, «Согласуемость простейшего типа: “например, если деятель – форма подкласса А, то действие должно быть формой подкласса А и т. д.”». И далее: «Более ограниченный случай выбора, при котором обширные классы форм разделены на типы, определяющие этот выбор, называется **согласуемостью**... Особый случай окружений, которые могут быть рассмотрены только в терминах морфем, представляет собой окружение морфемных сегментов, фонемы которых повторяются в высказывании (морфемы согласования)» [9, с. 203–204]. Как видим, определение Шахматова и Пешковского глубже, оно охватывает большее количество явлений – не только плана выражения, но и плана содержания.

Прошедшее время			Настояще-будущее время		
ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.	ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.
1-е л. <i>katab-tu</i>		<i>katab-na</i>	<i>'a-ktub-u</i>		<i>na-ktub-u</i>
2-е л. м. р. <i>katab-ta</i>	<i>katab-tuma</i>	<i>katab-tum</i>	<i>ta-ktub-u</i>	<i>ta-ktub-āni</i>	<i>ta-ktub-ūna</i>
2-е л. ж. р. <i>katab-ti</i>		<i>katab-tunna</i>	<i>ta-ktub-īna</i>		<i>ta-ktub-na</i>
3-е л. м. р. <i>katab-a</i>	<i>katab-ā</i>	<i>katab-ū</i>	<i>ia-ktub-u</i>	<i>ia-ktub-āni</i>	<i>ia-ktub-ūna</i>
3-е л. ж. р. <i>katab-at</i>	<i>katab-ata</i>	<i>katab-na</i>	<i>ta-ktub-u</i>	<i>ta-ktub-āni</i>	<i>ia-ktub-na</i>

Показатели рода в глаголе происходят частично из именного родового показателя, частично из местоимений. Личные местоимения в арабском таковы:

Единств. число	Двойственное число	Множеств. число
1-е л. <i>'anā -nī, -i/-ia</i>		<i>naḥnu -na</i>
2-е л. м. р. <i>'anta -ka</i>	<i>'antumā -kumā</i>	<i>'antum -kum</i>
2-е л. ж. р. <i>'anti -ki</i>		<i>'antunna -kunna</i>
3-е л. м. р. <i>huuā -hu</i>	<i>humā -humā</i>	<i>hum -hum</i>
3-е л. ж. р. <i>hiia -ha</i>		<i>hunna -hunna</i>

(с дефисом – энклитики; *-nī* при глаголах, *-i/-ia* при существительных и предлогах).

Естественно, согласование, играющее большую роль во флективных синтетических языках, а также во флективно-агглютинативных, таких как семитские [10; 11], теряет свое значение в чисто агглютинативных и аналитических языках. Это особенно очевидно в такой части речи, как прилагательное. Во флективно-синтетических языках основным его признаком является согласование с существительным (или местоимением) в роде, числе и падеже. В английском языке отсутствуют морфологические показатели категории рода. Она свойственна только одушевленным именам и проявляется лишь в анафорических личных местоимениях ед. ч. 3-го лица: *he/she*. Неодушевленные имена замещаются местоимением *it*. Поэтому прилагательное не может согласоваться с существительным по роду. Основным морфологическим признаком прилагательного стала его морфологическая неизменность: те немногочисленные флексии, которые используются при изменении существительных, не соединяются с прилагательными. Ср. *green leaf* ‘зеленый лист’ – *green leaves*; *red apple* ‘красное яблоко’ – *red apples*. Синтаксический признак прилагательного – несочетаемость с артиклем (возможно сочетание только в группе с существительным). Таким образом, *a green* ‘«зеленый» (член экологического движения)’, *a red* ‘коммунист’. От таких субстантивированных прилагательных и могут образоваться формы множественного числа: *greens, reds*. Следовательно, в данном случае мы имеем дело с явлением, которое можно назвать «отрицательным согласованием», когда именно отсутствие этой черты характеризует морфологию и синтаксис одной из частей речи. Подобным же образом функционируют прилагатель-

ные и в тюркских языках: имя *тош* ‘камень’ в узбекском склоняется, как любое существительное. В качестве же определения оно не сочетается с аффиксами числа и падежа: *тош-ы* ‘камень’ (вин. п.), *тош-ын* ‘камня’ (род. п.), *тош-да* ‘в камне’ (местн. п.) – но *тош кент* ‘каменный город’, *тош кент-ы*, *тош кент-ын*, *тош кент-де* [12].

Особую проблему представляют согласовательные категории в языках различных типов, выделяемых континентальной типологией, т. е. берущей за основу классификации не формально-морфологические показатели, а субъектно-объектные отношения. В рамках этой классификации выделяются нейтральный (изолирующий), классный, эргативный (иногда также активный), номинативный типы [13]. Как мы говорили выше, в самых простых с этой точки зрения языках – формоизолирующих – согласования не может быть по определению. В языках же иных типов существуют специальные морфемы, соотносящие определение с определяемым и глагол с субъектом и объектом.

Особенность классных языков заключается в том, что существительные маркированы особыми морфемами, относящими их к определенному разряду имен. Такие морфемы в общем указывают на некоторую общность в значении объединяемых ими имен. Но в действительности в разделении имен на классы не больше логики, чем в разделении по родам в европейских языках. Лучше всего класс представлен в языках банту. Здесь имеется 17 именных классов, причем они повторяются в прилагательных, а также в субъектных и объектных показателях глагола. Как указывает Э. Келер-Мейер [14], именно наличие согласования показателей субъекта и объекта в глаголе с соответствующими термами является необходимым основанием для отнесения языка к классному типу. К классным языкам относятся многие языки Западного Судана, в частности, банту и бантоидные языки. В суахили исчезли показатели трех классов. Тем не менее мы приводим материалы именно его как лучше всего документированного из всей семьи банту (письменность с XVIII в.). Важно, что классные показатели существительных повторяются в словоформе прилагательных, стоящих всегда в постпозиции: *mtu mwema* ‘человек хороший’ (1-й класс), *watu wema* ‘люди хорошие’ (2-й класс).

Система именных классов в суахили выглядит так:

№ класса	Именной аффикс	Адъективный
1	<i>m-</i> (<i>mu-</i> , <i>mw-</i>)	<i>m-</i> (<i>mu-</i> , <i>mw-</i>)
2	<i>wa-</i> (<i>w-</i>)	<i>wa-</i> (<i>w-</i>)
3	<i>m-</i> (<i>mu-</i> , <i>mw-</i>)	<i>m-</i> (<i>mu-</i> , <i>mw-</i>)
4	<i>mi-</i>	<i>mi-</i> (<i>my-</i> , <i>m-</i>)
5	<i>ji-</i> ($\emptyset$)	<i>ji-</i> (<i>j-</i> , $\emptyset$)
6	<i>ma-</i>	<i>ma-</i> (<i>m-</i>)
7	<i>ki-</i> (<i>ch-</i>)	<i>ki-</i> (<i>ch-</i>)
8	<i>vi-</i> (<i>vy-</i>)	<i>vi-</i> (<i>vy-</i> , <i>v-</i>)
9	<i>n-</i> (<i>ny</i> , <i>m-</i> , $\emptyset$)	<i>n-</i> (<i>ny</i> , <i>m-</i> , $\emptyset$)
10	<i>n-</i> (<i>ny</i> , <i>m-</i> , $\emptyset$)	<i>n-</i> (<i>ny</i> , <i>m-</i> , $\emptyset$)
11	<i>u-</i> (<i>w-</i>)	<i>m-</i> (<i>u-</i>)
12	–	–
13	–	–
14	–	–
15	<i>ku-</i> (<i>kw-</i>)	<i>ku-</i> (<i>kw-</i>)
16	<i>pa-</i>	<i>pa-</i> (<i>p-</i>)
17	<i>ku-</i>	<i>ku-</i> (<i>kw-</i>)
18	<i>m-</i>	<i>mu-</i> (<i>mw-</i>)

(в скобках указаны варианты)

16-й, 17-й, 18-й классы указывают на местонахождение; в современном языке они существуют как пережиток и представлены только в следующих словах: *pahali* ‘место’, *kuzimu* ‘загробный мир’, *mahali* ‘место’. Н. В. Громова и Н. В. Охотина [15, с. 161] указывают в этой связи, что имя *mahali* заимствовано из арабского *mahali*, затем было переосмыслено и снабжено префиксом *pa-*.

1-й класс обозначает одушевленные имена, т. е. людей и живых существ: *mtu* ‘человек’, *mtoto* ‘ребенок’ и многое другое: родственные связи, национальность, статус...

2-й класс – дискретное множество, соотносящееся с 1-м классом; любое входящее в него существительное находит параллель в 1-м классе.

3-й класс – более конкретное множество: *деревья*.

4-й класс – дискретное множество, коррелирующее с 3-м, как 2-й с 1-м.

5-й класс получил наименование аугментативно-го, так как в него входят существительные со значением «большой предмет» (*kisu* ‘нож’ – *jisu* ‘большой нож’).

6-й класс обозначает собирательность. Поэтому он используется для обозначения имен веществ и т. д.

7-й класс чаще обозначает неодушевленные предметы.

8-й класс – диминутивный. Н. В. Громова и Н. В. Охотина [15, с. 141] определяют его как грамматический, но скорее он маркирует мощию как особый тип словообразования.

9-й класс имеет определенную грамматическую характеристику: входящие в него имена суть *singularia tantum*.

10-й класс, напротив, у независимых слов указывает на *pluralia tantum*, а также выражает мн. число от имен 5-го и 11-го класса.

11-й класс обозначает абстрактные и собирательные имена, не имеющие категории числа.

15-й класс обозначает отглагольные имена, его можно сравнить с инфинитивом.

О значении 16-го, 17-го и 18-го классов см. ранее.

Классные показатели присоединяются и к глаголам: у переходных глаголов один аффикс указывает на класс субъекта, другой – на класс объекта. В глагольной словоформе первой морфемой служат показатели субъекта, второй – объекта. После этого могут присоединяться морфемы аспекта и времени, которые мы оставляем здесь без рассмотрения.

Субъектный показатель		Объектный показатель	
ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1-е л. <i>ni-</i>	<i>tu-</i> (<i>tw-</i>)	<i>-ni-</i>	<i>tu-</i> (<i>tw-</i>)
2-е л. <i>u-</i> (<i>w-</i>)	<i>m-</i> (<i>mw-</i>)	<i>-ku-</i>	<i>-wa-</i>
3-е л. <i>a-</i> ($\emptyset$)	2-й кл. <i>wa-</i> (<i>w-</i>)	<i>-m-</i> / <i>-mw-</i>	2-й кл. <i>-wa</i>
3-е л. 3-й кл. <i>u-</i> (<i>w-</i>)	4-й кл. <i>i-</i> (<i>y-</i>)	3-е л. 3-й кл. <i>-u-</i>	4-й кл. <i>-i-</i>
3-е л. 5-й кл. <i>li-</i> (<i>l-</i>)	6-й кл. <i>ya-</i> (<i>y-</i>)	3-е л. 5-й кл. <i>-li-</i>	6-й кл. <i>-ya-</i>
3-е л. 9-й кл. <i>i</i> (<i>y-</i>)	10-й кл. <i>zi-</i> (<i>z-</i>)	3-е л. 7-й кл. <i>-ki-</i>	8-й кл. <i>-wi-</i>
15-й кл. <i>ku-</i> (<i>kw-</i>)		3-е л. 9-й кл. <i>-i-</i>	10-й кл. <i>-z-</i>
16-й кл. <i>pa-</i> (<i>p-</i>)		3-л. 11-й кл. <i>-u-</i>	
17-й кл. <i>ku-</i> (<i>kw-</i>)		3-е л. 15-й кл. <i>-ku-</i>	
18-й кл. <i>mu-</i> (<i>m-</i>)		3-е л. 16-й кл. <i>-pa-</i>	
		3-е л. 17-й кл. <i>-ku-</i>	
		3-е л. 18-й кл. (<i>-mu-</i>)	

Классные показатели, как полагают бантуисты, происходят либо из местоимений, либо из редуцированных форм существительных. Так, префикс *ta-*

(собирательность) когда-то обозначал двойственное число, *mu-* (одушевленность) содержал локативное окончание (т. е. первичное значение – «располагаю-

щийся» [14]). Итак, в классных языках согласование является одной из доминант: формальное и содержательное, затрагивающее субъект (или объект) и предикат.

В языках эргативного и активного строя мы находим своеобразное согласование глагола с объектом, если он имеется, и субъектом при отсутствии объекта. Они и именуются соответственно объектным и субъектным спряжениями. В отличие от классных языков, показатели в морфемах имени не дублируются, так что это – содержательное согласование. Ср. шумерск. *Lu-e gidru i-b-gar-e* ‘человек кладет палку’, где *-e* – показатель эргативного падежа, *i-* – показатель субъекта в глагольной словоформе, *-b-* – объекта. И. М. Дьяконов [16] выделяет следующие типы спряжения в языках Передней Азии: двухсубъектное (т. е. субъектно-объектное)³: процитированный выше шумерский глагол, хурр. *ag-os-a-n* ‘привел-он-его’, урарт. *ag-u-a-li* ‘привел-он-их’; односубъектное с субъектом действия (= субъектное): хурр. *ag-oz-a* ‘привел-он’, урарт. *ag-u-bi* ‘привел-я’; односубъектное с субъектом состояния (= объектное): урарт. *ag-u-ni* ‘привел-его’; несогласованное (без показателей субъекта и объекта): урарт. *pit-u-i-ei* ‘если бы (я, ты

он) разрушил’. В шумерском языке возможен и показатель косвенного дополнения: *tu-n-a-t-b-gar* ‘пусть-сюда-него-для-в-нем-ее-положит-он’. В абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языках объектные показатели тоже широко представлены. Ср. даргинск. *Дудеи-ли хланчи б-ирули сай* ‘Отец работу делает’ (*-ли* – показатель эргативного падежа, *б-* – субъектный аффикс, *-й* – объектный; составная форма глагола состоит из причастия и вспомогательного глагола).

Две серии глагольных окончаний могут встречаться и в языках номинативного строя. Финно-угорские языки не относятся к эргативным. Но в них традиционно различается субъектное спряжение (свойственное непереходным глаголам), и объектное, характерное для переходных глаголов. И ряд лингвистов полагает, что аффиксы объектного спряжения действительно ориентированы на объект. Для проверки этого необходимо сравнить субъектное и объектное спряжения с другими парадигмами, включающими в себя личные показатели (табл. 1).

Примечательно, что в близкородственном языке манси притяжательное имя снабжено аффиксами, идентичными глагольным, а парадигмы субъектного и объектного спряжения построены иначе (табл. 2).

Т а б л и ц а 1

Притяжательное имя и глагольное спряжение в венгерском (*ház* ‘дом’, *lát* ‘видеть’, *kér* ‘побуждать’)

Притяжательное имя	Субъектное I спряжение	Объектное I спряжение	Субъектное II спряжение	Объектное II спряжение
1-е л. ед. ч. <i>ház-am</i>	<i>lát-ok</i>	<i>lát-om</i>	<i>kér-ek</i>	<i>kér-em</i>
2-е л. ед. ч. <i>ház-ad</i>	<i>lát-sz</i>	<i>lát-od</i>	<i>kér-sz</i>	<i>kér-sd</i>
3-е л. ед. ч. <i>ház-a</i>	<i>lát</i>	<i>lát-ja</i>	<i>kér</i>	<i>kér-i</i>
1-е л. мн. ч. <i>ház-unk</i>	<i>lát-unk</i>	<i>lát-juk</i>	<i>kér-ünk</i>	<i>kér-jük</i>
2-е л. мн. ч. <i>ház-a-tok</i>	<i>lát-tok</i>	<i>lát-ja-tok</i>	<i>kér-tek</i>	<i>kér-i-tek</i>
3-е л. мн. ч. <i>ház-uk</i>	<i>lát-nak</i>	<i>lát-ják</i>	<i>kér-nek</i>	<i>kér-i-k</i>

Т а б л и ц а 2

Притяжательное имя и глагольное спряжение в манси (*sāli* ‘северный олень’, *toti* ‘нести’)

Притяжательное имя	Субъектное спряж. наст. вр.	Субъект. спр. прет.	Объектное спр. наст. вр.	Объектн. спр. прет.
1-е л. ед. ч. <i>sāli-m</i>	<i>toti-g-um</i>	<i>tot-s-um</i>	<i>toti-l-um</i>	<i>tot-əs-l-um</i>
2-е л. ед. ч. <i>sāli-n</i>	<i>toti-g-ən</i>	<i>tot-s-ən</i>	<i>toti-l-ən</i>	<i>tot-əs-l-ən</i>
3-е л. ед. ч. <i>sāli-te</i>	<i>toti</i>	<i>tot-əs</i>	<i>toti-te</i>	<i>tot-əs-te</i>
1-е л. дв. ч. <i>sāli-mēn</i>	<i>toti-mēn</i>	<i>tot-s-umēn</i>	<i>toti-l-umēn</i>	<i>tot-əs-te</i>
2-е л. дв. ч. <i>sāli-jin</i>	<i>totē-g-ən, toti-jin</i>	<i>tot-s-ən/-ēn</i>	<i>toti-l-ən/-ēn</i>	<i>tot-əs-l-umēn</i>
3-е л. дв. ч. <i>sāli-tēn</i>	<i>totē-g</i>	<i>tots-ig</i>	<i>toti-ten</i>	<i>tot-əs-lən/-ēn</i>
1-е л. мн. ч. <i>sāli-uw</i>	<i>totē-w</i>	<i>tot-s-uw</i>	<i>toti-l-uw</i>	<i>tot-əs-l-uw</i>
2-е л. мн. ч. <i>sāli-n</i>	<i>totē-g-ən, toti-jin</i>	<i>tot-s-ən/-an</i>	<i>toti-l-ən/-an</i>	<i>tot-əs-l-ən/-an</i>
3-е л. мн. ч. <i>sāli-anəl</i>	<i>totē-g-ət, tote-g-ət</i>	<i>tot-s-ət</i>	<i>toti-(j)anəl</i>	<i>tot-əs-anel</i>

³ В терминологии И. М. Дьяконова эргативный падеж выражает субъект действия, абсолютный (прямое дополнение и подлежащее непереходного глагола) – субъект состояния.

Сравнение двух угорских языков показывает существенное различие в оформлении в них объектно-го и субъектного спряжений. В мансийском оба они имеют в общем одинаковый набор флексий. Показателем субъектного спряжения является аффикс *-g-*; показатели же объектного спряжения различаются по лицам. Основным является *-l-*, присутствующий в 1-м и 2-м л. В 3-м л. ед. ч. появляется формант *-te*, который следует считать не суффиксом, но флексией. Она противостоит 0 флексии субъектного спряжения. В 3-м л. дв. ч. субъектного спряжения тоже по сути представлена 0 флексия, но форма маркирована общим суффиксом данного спряжения *-g- < *-g-*. 3-и л. мн. ч. в обеих парадигмах имеют совершенно разные окончания. При этом флексии объектного спряжения полностью соответствуют притяжательным показателям при имени. Это наводит на мысль о том, что аффикс 3-го лица указывает не собственно на объект, а на нечто иное.

Венгерское субъектное и объектное спряжение оформлены совершенно различными показателями. Происхождение первого не выяснено (хотя есть попытки объяснения согласно ностратической теории). Аффиксы второго происходят из личных местоимений: *-m < én*, *-d < te*, *-a/-ja/-i < ő*. Во множественном числе к местоименным основам (*mi* – 1-е л. мн. ч., *te* – 2-е л. мн. ч., *ők* – 3-е л. мн. ч.) присоединяется общий плюралный показатель *-k* (маркирующий и глаголы и имена). Любопытно, что показатели мн. ч. в обоих спряжениях близки друг другу, и их различает тот же формант *-ja* объектного спряжения. Также следует отметить, что, когда объект стоит в 2-м лице (*тебя, вас*), у глагола появляется аффикс *lek* не вполне ясного происхождения, и такой глагол возможен только в 1-м л.: *kerlek* ‘я прошу тебя’, *latlak* ‘я вижу тебя’. Возможно, этот аффикс действительно указывает на объект, для остальных же мы должны найти иное значение. Их нельзя сопоставлять с показателями объекта в классных и эргативных языках, так как они указывают на действующих лиц (*kerem* ‘я прошу’ и т. д.). П. Хайду [17, с. 313] полагает, что показатели

первых двух лиц направлены на субъект, 3-го – на объект. Но представляется, что для такого разделения нет достаточных оснований. Все флексии ориентированы на субъект. Очевидно, они должны быть охарактеризованы как показатели активного субъекта. Формант *-i/-ja* сохраняет эту функцию и во мн. ч. Таким образом, объектное спряжение в угорских языках указывает не на объект, а на то, что субъект направил свое действие на определенную часть окружающей среды. Такой субъект противостоит морфологически неоформленному. Это обстоятельство позволяет внести коррективы в представления о морфологическом оформлении 3-го лица. Как известно, Э. Бенвенист [18] определил 3-е лицо как «не-лицо», обозначающее не-участника диалога. Этой семантической пустоте соответствует представленный во многих языках мира 0 аффикс. К. Уоткинс [19, р. 90–95] сформулировал известное правило («закон Уоткинса (ЗУ)»), согласно которому форма 3-го лица может сформировать новую глагольную основу. В качестве примера он привел польск. *miałem* ‘я мял’, *miałes* ‘ты мял’, *miales* ‘ты мял’ – *miał* ‘он мял’⁴. Формы претерита на *l* в славянских языках суть по происхождению причастия, ставшие основообразующими именно в функции 3-го л. Аналогична структура претерита в современном персидском языке. Др.-перс. причастие *kartam* ‘сделанное’ > н.-перс. *kard* переосмысливается как 3-е л., на базе которого формируются новые личные формы *kardam* ‘я сделал’, *kardas* ‘я сделал’. По мнению Б. Джозефа [20], ЗУ сыграл роль в изменении спряжения новогреческого претерита: 1) в формах сигматического аориста 2-го л. ед. ч. изменилось по аналогии с 3-м л. (*ἔγραψας*: *ἔγραψε* > *ἔγραψες*: *ἔγραψε*); 2) в формах имперфекта и тематического аориста 3-е л. воспрепятствовало изменению 2-го л. Согласно Джозефу, ЗУ имеет как положительную, так и отрицательную силу. Положительная сила привела к изменению формы 2-го л. ед. ч. сигматического аориста; отрицательная сила воспрепятствовала изменению соответствующих флексий в имперфекте и тематическом аористе.

Сигматический аорист		Тематический аорист		Имперфект	
др.-греч.	н.-греч.	др.-греч.	н.-греч.	др.-греч.	н.-греч.
ἔγραψα	έγραψα	ἔφηνον	έφηνα	ἔφηνον, ἔγραφον	έφηνα, έγραφα
ἔγραψας	έγραψες	ἔφηνες	έφηνες	ἔφηνες, ἔγραφες	έφηνες, έγραφες
ἔγραψε	έγραψε	ἔφηνε	έφηνε	ἔφηνε, ἔγραφε	έφηνε, έγραφε
ἔγραψαμεν	έγραψαμε	ἔφηνομεν	έφηναμε	ἔφηνομεν, ἔγραγομεν	έφηναμεν, έγραφαμεν
ἔγραψατε	έγραψατε	ἔφηνετε	έφηνατε	ἔφηνετε, ἔγράφατε	έφηνατε, έγράφατε
ἔγραψαν	έγραψαν	ἔφηνον	έφηναν	ἔφηνον, ἔγραφον	έφηναν, έγραφαν

⁴ Польская парадигма сформировалась благодаря сращению причастия с глаголом *es-* ‘быть’. В церковнославянском и древнерусском он находится в свободном сочетании с причастием: *мѣль ієсмь* (*iesi, iestь*). Польские формы мн. ч. сохраняют след этого глагола: *mialesmy* ‘мы мяли’. Но приме-

чательно, что глагол присоединяется только к 1-му и 2-му л., что, безусловно, объясняется действием закона Уоткинса. Аналогично развился один из типов будущего в санскрите: *bharatāsmi* ‘я понесу’ (< *bharatār asmi*), *bharātasi* ‘ты понесешь’, но 3-е л. *bharatār*.

В венгерском суффикс 3-го л. объектного спряжения внедрился в парадигму мн. числа. В этом надо видеть действие ЗУ. Однако следует подчеркнуть: 3-е л. агентивного (переходного) глагола уже не является формой с 0 аффиксом. Специальная флексия, характеризующая субъект, отличает его от непереходного. Распространение же суффикса на парадигму не завершено. Б. Джозеф подчеркивал, что в новогреческом действие ЗУ вступает в противоречие с аналогией и давлением системы. И в венгерском объектном спряжении ЗУ не привел к полной перестройке парадигмы объектного спряжения. Сопоставление притяжательного имени и спряжения переходного глагола не просто показывает общность происхождения посессивных и глагольных морфем. Они говорят о том, что объектным такое спряжение можно назвать лишь в силу традиции. В действительности «объектное» спряжение указывает не на прямое дополнение, а на особый субъект. Он не может выражаться нулевым аффиксом, но требует для себя специальной морфемы. Его поэтому можно назвать маркированным. Суть этого маркирования может раскрыться в сопоставлении.

Сравним угорское спряжение с индоевропейским. Здесь тоже восстанавливаются два базовых типа спряжения. Вяч. Вс. Иванов [21] характеризует их как парадигмы глаголов действия и состояния. К. Уоткинс [19, р. 45] подчеркивает, что от одной из этих парадигм происходят медиальное, тематическое спряжение и хеттское спряжение на *-hi*. Литература, посвященная этим парадигмам, чрезвычайно велика; см. ее обобщение в [22; 23]. Вероятнее всего, две серии глагольных окончаний следует реконструировать так:

I серия («агентивная»)	II серия
*-'m	*-h ₂ é
*-'s	*-é (вариант *th ₂ é)
*-'t	*-é
*-mé(s)	*-mé-(dh)
*-té	*-té-(dh)
*-ónt	*-ró- (вариант *-(o)ntó)

Выше мы говорили о происхождении окончания 1-го л. ед. и мн. ч. Они также ориентированы не на объект, а на активный субъект, как и венгерские флексии переходного спряжения. Хотя происхождение показателя 2-го л. *-s до сих пор не ясно, следует предположить, что тут имел место какой-то формант, связанный со 2-м лицом, т. е. опять-таки с субъектом. Но особенность индоевропейских языков заключается в том, что при 1-м и 2-м л. глагола субъект обозначается редко. При предикате 2-го л. может появиться имя обращения, но это не вызывает согласования. Обращение выражается звательным падежом, т. е. 0 морфемой, которая указывает на тотальное от-

сутствие связи имени с другими членами предложения. Иногда имя может появиться и в предложении с 1-м л. глагола: *Qualis artifex pereo* 'какой артист погибает' (дословно 'погибаю'). Но оно никак не согласовано с глаголом. У. Ф. Леман [24] полагал, что 1-е и 2-е л. глагола характеризуются дейксисом, так как указывают на ранее не названное подлежащее, тогда как 3-е л. анафорично, поскольку указывает на уже названный именем субъект. И вот тут возникает вопрос: в какой мере можно считать формы 1-го и 2-го л. согласованными, и в чем заключается согласование? Очевидно, при таких глаголах подразумеваются, хотя и не называются участники диалога: говорящий или слушающий субъект. Такое согласование можно назвать *референциальным* или *потенциальным*. Таким образом, мы можем выделить три типа согласования: формальное, когда в согласующихся словах повторяется одна морфема (*Omnia praeclara rara* 'все прекрасное верно'), содержательное, когда разные морфемы имеют сходное значение (*ты делаешь*) и потенциальное, или референциальное, когда согласуемый член предложения только подразумевается (*arma virumque cano*).

Различие между обеими сериями, помимо набора флексий, заключается в характере ударений. В первой оно подвижно: в ед. ч. стоит на основе, во мн. ч. – на флексии. Во второй акцент стоит на флексии. Происхождение глагольных окончаний нельзя считать до конца выясненным. Так, не подлежит сомнению, что флексия *-m происходит из местоимения 1-го л. *me, того же происхождения и окончание 1-го л. мн. ч. Флексия 3-го л. мн. ч. имеет аффикс, общий с причастным суффиксом; он же образует формы множественного числа в некоторых тохарских склонениях. О происхождении *-s как показателя 2-го лица можно строить только гипотезы [23, с. 45; 25, S. 39–40; 26]. Окончание 3-го л. одни исследователи возводят к суффиксу имени деятеля [27; 28], другие – к указательным местоимениям [29, р. 40–46]. Однако II серия по сути морфологически не оформлена. Флексия имеется только в 1-м л. Окончания множественного числа явно позднего происхождения. В единственном же числе грамматические отношения переданы с помощью тематического гласного, который по сути является вокальным ауслаутом основы, не редуцированным в ударной позиции. Безусловно, передвижение акцента на конец словоформы является грамматическим способом, сформировавшим комплекс значений, характерных для глаголов этого типа: стативность, потенциальность, неконтролируемость. Но выраженной морфемы нет. Поэтому 2-е л. изначально не имело морфологических отличий от 3-го: оба маркировались 0 аффиксом. Окончание же 1-го л. может иметь лишь суперсегментные отличия от окончаний остальных лиц. Согласно Л. Г. Герценбергу

[30], ларингал может быть характеристикой ударения. Принимая эту реконструкцию, мы получаем полностью морфологически неформленную парадигму инактивного глагола. Судьба ее складывалась различно. Основа типа **g^{uh}né* могла переразложиться так, что ауслат стал флексией. В этом случае к атематической основе стали присоединяться другие флексии. Так сформировался перфект. Если ауслат сохранялся как элемент основы, она, согласно ЗУ, формировала основу тематического спряжения. Будучи переосмысленной в качестве суффикса, тематическая гласная превратилась в показатель конъюнктива. Что же касается I серии, то ее флексии указывали именно на субъект – активный и деятельный. И типологическое сравнение с финно-угорским объектным спряжением помогает разъяснить если не происхождение, то функционирование окончания **-t*. Это показатель маркированного, т. е. агентивного субъекта. Похожее явление можно наблюдать в афразийском глаголе. В нем тоже противопоставлялись окончания, указывающие на действие, с окончаниями, указывающими на состояние (перфект-статив). В 3-м л. инактивной серии присутствует нулевое окончание. По-видимому, перед нами типологическая фреквенталия: аффикс 3-го л. противопоставляет глагол действительного залога (глагол действия) глаголу медиального залога (глагол состояния). Возвращаясь к индоевропейской флексии 3-го л. ед. ч., можно сказать: у нее много общих черт с дентальным именным суффиксом; оба они образуют квадрат:

*-t **-tó*
*-ti **-tu*

где флексия **-t* характеризует инъюнктив, т. е. глагольную форму без показателей времени и наклона; *-tó* – окончание среднего залога, **-ti* – флексия «эмфатического» времени, в большинстве индоевропейских языков – настоящее время; **-tu* – окончание 3-го л. императива; суффикс **-t-* образует имя действия, реже деятеля (хетт. *anīia-* ‘делать’ – *anīiaz* ‘действие’; *lukzi* ‘светить’ – *lukkatt-* ‘свет’; греч. *πλανάω* ‘бродить’ – *πλανής*, род. п. *πλανήτος* ‘бродяга’); *-tó-* – страдательное причастие (широко распространено в индоиранских, италийских, кельтских, греческом, германских, балтийских, славянских языках: **uid-to* ‘видный, найденный’ > др.-инд. *vittáh*, греч. *ῥιστός*, лат. *visus*); **-ti-* – суффикс имени «объективного» действия (по Э. Бенвенисту [31]), реже – деятеля (греч. *μάντις* ‘пророк’); **-tu-* – «субъективного» действия (намерения). Разницу между объективными и субъективными действиями Бенвенист поясняет на примере греческих *αυπασις* (= *αναφανσις*) и *αυπανύς* (**αναφαντύς*) ‘усыновление’ в Гортинских законах (Крит, V в. до н. э.). Первое означает «усыновление» просто как юридический акт, второе – готовность к усыновлению. Ср. также [32].

Параллель весьма впечатляет, но типологическое сопоставление говорит о том, что окончание *-t* может происходить и из указательного местоимения, которое в финно-угорских и афразийских языках маркирует активный субъект. Может быть, в самом раннем общеиндоевропейском языковом состоянии удастся проследить общность указательного местоимения и суффикса отглагольных имен? Соображение тем более основательно, что форманты **-i*, **-u*, внедрившиеся как в глагольные окончания, так и в именные суффиксы, имеют дейктическое происхождение [23; 33]. Если это так, то можно предложить пути развития флексии 3-го л. 1. Субъект, обозначающий деятельную сущность, требует выраженной маркировки для предиката. Им становится местоимение (личное в 2-х лицах, указательное в 3-м), осуществляющее семантико-синтаксическое согласование предиката с субъектом. 2. Процесс грамматикализации приводит к тому, что местоименные показатели приобретают статус глагольных окончаний. 3. К ним могут присоединяться морфемы, относящие действие к оси *hic et nunc* или *illinc et tunc*; а передвижение акцента на флексию существенно изменяет значение словоформы, которая начинает указывать на самонаправленное действие или претерпевание. Согласование же сохраняется, так как данные флексии выражают глагольное лицо. 4. Новая морфема 3-го лица как «не-лица» может быть переосмыслена как именной суффикс, в котором дейктические элементы приобретают свое специфическое значение. В этом случае согласование теряется.

Общая модель согласования может быть описана так: в согласованной синтагме имеется главный и зависимый член. Последний принимает от первого грамматические категории, не свойственные ему изначально, и никак не модифицирующие его значение. Так, денотат имени во множественном числе отличается от единственного: *стола* – несколько иная сущность, чем *стол*. Денотат же глагола при изменении числа никак не меняется, как и отношение говорящего к содержанию глагола. Род существительного может считаться словообразовательной категорией: греч. *τομός* ‘нож’ – *τομή* ‘разрез’, род прилагательного никак не связан с его значением. Универсальным может считаться согласование глагола с именем в лице и числе, прилагательного с существительным в числе и роде. Во многих языках мира глагол согласуется с именами и по классу.

Заключение

Таким образом, можно видеть, что согласование осуществляется различными грамматическими способами: дублирование морфем; создание новых морфем, повторяющее грамматическое значение формы главного слова в синтагме. Все они сыграли

огромную роль в формировании глагольных и именных парадигм формосвязывающих языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солнцев В. М. Введение в типологию изолирующих языков. М., 1995.
2. Тань Аошуань. Проблемы скрытой грамматики китайского языка. М., 1996.
3. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967.
4. Широков О. С. Языковедение : введение в науку о языках. М., 2003.
5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
6. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М., 2001.
7. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 2003.
8. Blümel P. Einführung in Syntax. Heidelberg 1913.
9. Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964.
10. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. М., 1956. Т. 1.
11. Широкова А. В., Ахмад С. Склонение в русском и арабском языках. М., 1986.
12. Жирмунский В. М. Происхождение прилагательных в сравнительно-историческом аспекте // Жирмунский В. М. Общее и германское языковедение. Л., 1976.
13. Климов Г. А. Принципы конгенсивной типологии. М., 1983.
14. Келлер-Мейер Э. Именные классы в языках Африки // Африканское языковедение. М., 1963.
15. Громова Н. В., Охотина Н. В. Теоретическая грамматика языка суахили. М., 1995.
16. Дьяконов И. М. Семито-хамитские языки. М., 1965.
17. Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
18. Бенвенист Э. Структура лица в глаголе // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
19. Watkins C. Indo-European Origin of Celtic verb. Dublin, 1963.
20. Joseph B. Watkins' Law and the Modern Greek Preterit // Sprache. 1980. Vol. 26. P. 2.
21. Иванов Вяч. Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол : индоевропейские истоки. М., 1981.
22. Jasanoff J. Hittite and the Indo-European verb. Cambridge, 2003.
23. Красухин К. Г. Дейктические элементы в категориях времени и наклонения (на материале древних индоевропейских языков) // Человеческий фактор в языке : Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.
24. Lehmann W. Deixis in Proto-Indo-European // Serta Indogermanica : Festschrift Güner Neumann. Innsbruck, 1982.
25. Erhart A. Das indoeuropäische Verbalsystem. Brno, 1989.
26. Бабаев К. В. Происхождение глагольных окончаний в индоевропейских языках. М. ; Калуга, 2008.

27. Laroche E. Les noms en *-ti* et *-tu* in langues anatoliennes // Festschrift E. Poultny, Amsterdam ; Philadelphia, 1975.

28. Stempel R. Die Diathese im Indogermanischen: Formen und Funktionen des Mediums und ihre sprachhistorische Grundlagen. Innsbruck 1996.

29. Shields K. The history of Indo-European Verb Morphology. Amsterdam ; Philadelphia, 1993.

30. Герценберг Л. Г. Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. Л., 1981.

31. Benveniste É. Noms d'agent et noms d'action. Paris, 1948.

32. Poultny J. The 3rd Person in Verbal flexion and nominal suffixes // Hommage Emmanuel Laroche. Paris, 1975.

33. Strunk K. Zeit und Tempus in den indogermanischen Sprachen // Indogermanische Forschungen. 1968. Bd. 73.

REFERENCES

1. Solncev V. M. Vvedenie v tipologiyu izoliruyushchikh yazykov. Moskva, 1995.
2. Tan' Aošuan'. Problemy skrytoi grammatiki kitaiskogo yazyka. Moskva, 1996.
3. Reformatskiy A. A. Vvedenie v yazykoznanie. Moskva, 1967.
4. Širokov O. S. Yazykovedenie: Vvedenie v nauku o yazykakh. Moskva, 2003.
5. Peškovskiy A. M. Russkiy sintaksis v nauchnom osvещenii. Moskva, 2001.
6. Šakhmatov A. A. Sintaksis russkogo yazyka, Moskva, 2001.
7. Borkovskiy V. I., Kuznecov P. S. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Moskva, 2003.
8. Blümel P. Einführung in Syntax. Heidelberg, 1913.
9. Hamp E. Slovar' amerikanskoi lingvističeskoj terminologii. Moskva, 1964.
10. Fortunatov F. F. Izbrannyye Trudy. Moskva, 1956. Tom 1.
11. Širokova A. V., Akhmd S. Sklonenie v russkom i arabskom yazykakh. Moskva, 1986.
12. Žirmunskiy V. M. Proiskhoždenie prilagatelnykh v sravnitelno-istoričeskom aspekte. In: Žirmunskiy V. M. Obščee i sravnitelnoe yazykoznanie. Leningrad, 1976.
13. Klimov G. A. Prinzipy konensivnoi tipologii. Moskva, 1983.
14. Keller-Meier E. Imennyye klassy v yazykakh Afriki. In: Afrikanskoe yazykoznanie. Moskva, 1963.
15. Gromova N. V., Okhotina N. V. Teoretičeskaya grammatika yazyka suahili. Moskva, 1995.
16. Dyakonov I. M. Semoto-khamitskie yazyki. Moskva, 1965.
17. Khaidu P. Uralskie yazyki inarody. Moskva, 1985.
18. Benveniste É. Struktura lic v glagole. In: Benveniste É. Obščaya lingvistika. Moskva, 1974.
19. Watkins C. Indo-European Origin of Celtic verb. Dublin, 1963.

20. Joseph B. Watkins' Law and the Modern Greek Preterit. In: *Sprache*. 1980. Vol. 26. P. 2.
21. Ivanov Юаџ. Vs. Slavianskiy, baltiyskiy i rannebal-kanskiy glagol: Indoevropskie istoki. Moskva, 1981.
22. Jasanoff J. Hittite and the Indo-European verb. Cambridge, 2003.
23. Krasukhin K. G. Deiktičeskie element v kategori-yakh vremeni i nakloneniya. In: *Čelovečeskiy factor v yazyke: Kommunikaiya. Modalnost'. Deiksis*. Moskva, 1992.
24. Lehmann W. Deixis in Proto-Indo-European. In: *Serta Indogermanica: Festschrift Güner Neumann*. Innsbruck, 1982.
25. Erhart A. Das indoeuropäische Verbalsystem. Brno, 1989.
26. Babaev K. V. Proiskhoždenie indoevropskikh glagolnykh okončaniy. Moskva; Kaluga, 2008.
27. Laroche E. Les noms en *-ti* et *-tu* in langues anatoleennes. In: *Festschrift E. Poultny*. Amsterdam ; Philadelphia, 1975.
28. Stempel R. Die Diathese im Indogermanischen: Formen und Funktionen des Mediums und ihre sprachhistorische Grundlagen. Innsbruck, 1996.
29. Shields K. The history of Indo-European Verb Morphology. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
30. Gercenberg L. G. Voprosy rekonstrukcii indoevropskoi prosodiki. Leningrad, 1981.
31. Benveniste É. Noms d'agent et noms d'action. Paris, 1948.
32. Poultney J. The 3rd Person in Verbal flexion and nominal suffixes. In: *Hommage Emmanuel Laroche*. Paris, 1975.
33. Strunk K. Zeit und Tempus in den indogermanischen Sprachen. In: *Indogermanische Forschungen*. 1968. Bd. 73.

Институт языкознания РАН

Красухин К. Г., доктор филологических наук, заведующий Сектором общей компаративистики, ведущий научный сотрудник

E-mail: krasukh@mail.ru

Поступила в редакцию 20 марта 2023 г.

Принята к публикации 26 мая 2023 г.

Для цитирования:

Красухин К. Г. Согласование как морфосинтаксическая проблема (в синхронии и диахронии) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. С. 12–22. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/3/12-22>

Institute of Linguistics RAN

Krasukhin K. G., Doctor of Philology, Head of Comparative Linguistics Department, Leading Researcher

E-mail: krasukh@mail.ru

Received: 20 March 2023

Accepted: 26 May 2023

For citation:

Krasukhin K. G. Congruence as a morphosyntactic problem (in synchrony and diachrony). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2023. No. 3. Pp. 12–22. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/3/12-22>